

© 2015

*В.З. Демьянков***О языковых техниках научных революций***

В.М. Алпатов посвятил большое число своих исследований описанию и анализу того, как возникали, получали популярность и умирали различные теоретические построения

* Публикация выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00130 «Лингвистические технологии во взаимодействии гуманитарных наук») в Институте языкознания РАН.

ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Института языкознания РАН.

в языкознании. Особенно интересны результаты его исследования отечественных научных революций в области теории языка, см. [1], [2].

Интеллектуальные революции состоят не только (а по мнению их оппонентов, и не столько) в изобретении новых подходов к предмету научного исследования, но и в «продвижении» и «презентации» новых взглядов. В значительной степени такая работа реализуется в создании текстов, на основании которых можно вы-

делить и классифицировать используемые языковые средства – «языковые техники». Не претендуя на полноту описания, в данной статье попытаемся рассмотреть некоторые проблемы классификации языковых техник, используемых для подачи ведущих идей в ходе научных революций.

1. Интеллектуальная революция

Революция, в частности, *интеллектуальная революция* – термин со скрытой темпоральностью. Об интеллектуальной революции говорят как о том, что еще до сих пор актуально, развивается (в рамках этой революции), особенно часто – как о том, что еще только обещает принести плоды (так говорили еще во времена структурализма [24, ххix], причем благотворные для смежных дисциплин, а не только для языкознания и литературоведения [46, 157]), но не о том, что перестало быть актуальным. Иначе же о «бывшей революции» говорят в лучшем случае как о *перевороте*.

Интеллектуал обречен видеть революционность во всем новом и необычном, не сразу опровергаемом, ср. [51, 26]. Практика переубеждения состоит не только в прямом предъявлении опровергающих данных, но и в «интертекстуальной» демонстрации [13, 23–24], когда показывают, что сами формулировки рассматриваемой теории более дефектны, чем конкурирующие положения оппонентов.

2. Характерные черты и симптомы научной революции

Рассмотрение обширной литературы по данной проблеме позволяет выделить различные черты и разновидности научной революции, из которых упомянем только несколько:

- резкий рост объяснительности,
- превосходство нового над старым,
- межэпохальность и межпоколенность,
- наддисциплинарность, междисциплинарность, трансдисциплинарность,
- персональность vs. надличностность революции,
- развенчание очевидности.

Этим «параметрам» соответствуют различные типы языковых техник «презентации» научной революционности в научных работах.

2.1. Резкий рост объяснительности

Наука состоит из описывающей и объясняющей частей, на этом основана социология науки П. Дюгема (P. Duhem, 1861–1916). Эти две составные части соединяет очень тонкая нить. Запас наблюдений растет со временем до тех пор, пока не обнаруживаются противоречия между разными эмпирическими данными в рамках господствующей теории. Поэтому иногда кажется [5], что в науке меняется только объясняющая, но не описательная часть, и что с развитием теории мы просто избавляемся от лишних ограничений, навязываемых господствующим взглядом на вещи там, где наблюдение подсказывает иной ход мыслей¹. В отличие от «рутинного» углубления теории, в научной революции видят или хотят видеть сочетание новых фактов с новыми объясняющими гипотезами [80, 169]. Без такой революции, открывающей глаза исследователей на мир, мы не открыли бы новых фактов, и продолжали бы видеть мир в прежнем свете.

2.2. Превосходство нового над старым

Революционность – термин оценочный. Чтобы констатировать революционность, новый взгляд соотносят со старым и его оценивают как более достойного кандидата. Процедура соотнесения предполагает наличие точек соответствия и/или дополнения между старой и новой теориями (ср. принцип соответствия Н. Бора). Эти соответствия устанавливаются на текстуальном, терминологическом, идейном или ином уровне, ср. [56, 15]. Однако с новыми теориями приходят и новые понимания старых терминов. Так на каком понимании – на старом или на новом – должно базироваться оценочное сравнение теорий? Когда подобные вопросы переходят

¹ П.К. Фейерабенд полагал, что научная революция – результат такого разрыва [20], однако человек никогда не может быть вне какой-либо теории – поэтому-то и возникает новая теория или версия теории; см. также [58, 210].

из разряда праздных в разряд существенных, налицо революционная ситуация: это признак революции, приносящей с собой смешение научных языков – старого и нового. И такое смешение напоминает то, что происходит, когда новое поколение общается со старым и достигает взаимопонимания, однако, не абсолютно, а только в степени, (по-разному) существенной для каждой из сторон. Старое поколение говорит тогда о «загрязнении интеллектуальной среды» [69, 1], а представители нового считают себя санитарами для старой¹. Изменяется и тематическая направленность в рассмотрении одних и тех же вещей [34], вследствие чего меняются и сами понятия. Так, компоненты значения терминов, раньше казавшиеся существенными, теперь нивелируются, и наоборот, нечто малосущественное в объеме понятия становится общепризнанно существенной или даже главной стороной старого понятия.

Такое превосходство не обязательно бывает «объективным»: большую роль играют пиаровские техники, позволяющие даже небольшой новации приписать огромный вес в глазах научной и обывательской общественности.

Помимо задач пиара, языковые техники в этой области нацелены на прояснение формулировок, разграничение понятий, устранение нечеткостей и скрытых противоречий в бытующих формулировках.

2.3. Межэпохальность и межпоколенность

Революция межэпохальна, лежит на границе интеллектуальных эпох, более или менее непрерывных во времени и в пространстве. Из таких эпох и состоит история науки [12],

¹ Например, К. Попперу в теории научных революций Т. Куна [44] наиболее подозрительным казался термин *нормальная наука* [69, 295], а не положения последнего, не в последнюю очередь и потому, что английское *science* отлично от *Wissenschaft* в родном для Поппера немецком языке [35, 16]. Да и сам термин *революция* оценивается обществом, недавно обжегшимся на социальной революции (как в Германии, России, Австрии и т.д.), не так же, как обществом, очень давно пережившим социальные взрывы (как в Великобритании или США).

подчиняющаяся законам изменения общества. Такие эпохи различаются:

– тем, какие задаются вопросы: то, что в одну эпоху представляется существенным, в другую оказывается или фантазией, не имеющей отношения к делу, или догматизмом,

– какие ответы на эти вопросы ожидаются и насколько допустимы противоречивые или даже невнятные ответы на одни и те же вопросы.

На границе же между интеллектуальными эпохами господствует тенденция к равносостоянию, без которого любая система разрушается. Революция является проявлением, а не причиной, нарушенности этого баланса, который затем постепенно восстанавливается.

Так, при чтении текстов основоположников новой парадигмы (скажем, В. К. Гейзенберга, Н. Бора, А. Эйнштейна или Н. Хомского) бросается в глаза заостренность, нарочито явная подача расхождений с предшественниками. И только со временем, в результате балансировки, эти острые углы все больше сглаживаются [53, 18]. Как *эволюцию* или как *революцию* мы часто характеризуем одни и те же явления, в зависимости от того, из какой временной точки мы их наблюдаем. Т. Кун [43] говорит о революциях, поскольку его точкой наблюдения является тот период, когда баланс грозит потеряться. А вот неактуальные интеллектуальные волнения прошлого кажутся скорее эволюционными, на которые смотрят с философским спокойствием подобно тому, как смотрят на биологическую эволюцию [10, 11].

Для стороннего наблюдателя во время революции никакая сторона не может претендовать на истину в последней инстанции. Революция – предприятие рискованное, и это революционеры подсознательно чувствуют. Революционный пыл объясняется тем, что приходится выступать за те гипотезы, истина которых еще не в деталях доказана. Главное первоначальное достоинство революционных гипотез – «креативность», новизна и свежесть взгляда, иногда, впрочем, только кажущиеся, ср. [29, 86-87]. Новые гипотезы противопо-

ставляются тому, что ранее вызывало сомнения, а в новую эпоху объявляется пережитком прошлого – как классический психоанализ в психиатрии и марксизм в философии (в конце XX в. но не в начале XXI в.) [65, vii]. Не следует забывать, что Коперник, К. Маркс, З. Фрейд и А. Эйнштейн выросли в старом интеллектуальном мире и остаются в нем хотя бы «одной ногой». А вот для поколения, вырастающего после революционеров, новые установки являются родными, «нормальными» и не революционными.

Языковые техники, служащие продвижению революции в этой области, нацелены на подчеркивание «продвинутой» нового поколения, «стоящего на плечах» своих предшественников и уже поэтому занимающего более высокий социальный статус в глазах «прогрессивного человечества».

2.4. Наддисциплинарность, междисциплинарность, трансдисциплинарность

Можно различать *глобальную* и *локальную научные революции*, или общеродовое и специфическое употребления термина *научная революция* в значении ‘скачкообразное изменение господствующего образа мыслей в науке’ [17, 21]. Для глобальных научных революций характерно изменение самого отношения к научному занятию, к критериям научности, а также к институтам (что связано с возникновением различных академий, лабораторий, научных обществ и т. п.). Так, в европейской науке время XVI–XVII вв. (особенно первое десятилетие XVII в.) связывают с возникновением новых критериев научности и профессиональности в науке [63, 265]. В частности, парадигма физики И. Ньютона (1642–1727) была и часто остается идеалом таких наук, как химия, биология, но в значительно меньшей степени для общественных наук [53, 1]. Причем изменения научных парадигм заразительны: научные революции приводят к изменению установок и за пределами науки, в иных интеллектуальных сферах – в литературе, искусстве, образе жизни и т.п. [41]. Именно с представлением о бесконечности мира в пространстве

и времени пришло и осознание бесконечности жизни в иных сферах, за пределами науки. Естественно, что локальные научные революции происходят гораздо чаще, чем глобальные, затрагивают интересы отдельно взятых наук и не создают подобных междисциплинарных парадигм.

Наблюдения над развитием лингвистических теорий показывают, что прототипом революционной теории является концепция, претендующая на объяснение явлений даже далеко за пределами науки о языке. Иначе говоря, глобальные теории тем более революционны, чем в большей степени позволяют воспарить над нуждами данной научной дисциплины.

Языковые техники, связанные с этим параметром революционности, нацелены на то, что иногда называют трансфером знаний – переносом теоретических достижений из одной научной дисциплины в другую. Эти техники используются особенно интенсивно при демонстрации приращения объяснительности и для облагодетельствованной дисциплины, и для дисциплины-донора.

2.5. Персональность vs. надличность

В эпоху, окружающую во времени социальную интеллектуальную революцию, наблюдается бурный рост количества имен, связанных с развитием новой идеи. Не всегда *post factum* можно выделить одну, центральную фигуру, однако всегда наблюдается большое количество сторонников, не просто следующих революционной идее (такое ограниченное следование можно было бы назвать интеллектуальной модой), а “авторски” (то есть, с авторским правом на явные творческие ростки) развивающих общую идею. Таково положение и в социальной сфере. Вспомним Великую французскую революцию: имя ее главной центральной фигуры до нас не дошло, но в памяти остались Робеспьер и Дантон. Таково же положение в техническом прогрессе: лазерная и компьютерная революции в общественном сознании обывателя не связаны с какой-либо конкретной центральной фигурой, но можно упомянуть

большое количество людей и фирм, развивающих центральную тенденцию.

В науке довольно часто констатируется наличие центральной фигуры, дающей название той или иной научной революции, ср.: *коперниковская, галилеевская революции*. Однако начиная с XX в. революции и в науке все чаще получают название не по фамилии ученого, а по названию тенденции или прототипической теории: *генеративная революция* связана с именем Хомского; на знамени *структуралистской революции* – Ф. де Соссюр; о том, кто произвел *когнитивную революцию*, единого мнения нет и вовсе. Означает ли это, что наука сегодня рядоположена общественному движению?

2.6. Развенчание очевидности

В литературе по философии науки выделяются два устойчивых эпитета научной революции безотносительно к конкретной научной дисциплине: *коперниковская* и *галилеевская*. Им соответствуют и два типа интеллектуальной революции.

Коперниковская революция связана с легализацией взглядов, диаметрально противоположных бытующим, но не квалифицированным официальным сообществом как верные и самоочевидные. Вместо самоочевидного *Солнце вращается вокруг Земли* коперниканцы защищают противоположное: *Земля вращается вокруг Солнца*¹.

«Мы наблюдаем восход и заход солнца, что может быть более очевидным свидетельством в пользу геоцентрической модели?» – вопрошали оппоненты Коперника. Для коперниканцев же эта беспроблемность только кажущаяся, поскольку восход и заход солнца могут быть объяснены и при гелиоцентрической точке зрения, которая заодно объясняет и солнечные

затмения (наблюдаемые, впрочем, значительно реже, не каждый день).

Итак, коперниканцы стремятся расширить спектр объясняемых явлений, принося в жертву непосредственную очевидность, в то время как доминировавшая ранее теория охватывала статистически самые частые явления. Противники коперниканцев имеют право сказать: «Зачем наводить тень на ясный день, когда и так все ясно?». Коперниканцы же объясняют более широкий спектр явлений, находят именно для них непосредственное объяснение, а то, что было ранее непосредственно ясно, получает теперь опосредованное и, возможно, менее естественное (со старой точки зрения) объяснение [59, 5–6].

Исследователь-коперниканец на время «остраняется» от своей обыденной точки зрения, чтобы проанализировать саму эту обычную точку зрения, сделать ее предметом исследования [50, 4–5]. Остранение как прием (в искусстве или в науке) – один из способов «объективации» [78, 241], при том, что граница между объективным и субъективным очень зыбка [50, 5].

Коперник отнял у человека привилегированный статус центра Вселенной, казавшийся до того самоочевидным. И. Кант совершил коперниковскую революцию в философии [14, 31], предложив отказаться от того положения, что в своем познании мы должны следовать за объектами. По Канту, сами изучаемые объекты должны следовать за нашим познанием, поскольку все равно мы не можем увидеть в этих объектах больше, чем дано нам по нашей природе. Ч. Дарвин также был коперниканцем, показавшим, что человек не является центром природы не только во Вселенной, но и на родной Земле. З. Фрейд же продемонстрировал, что не является человек хозяином и в своем собственном доме – в своем сознании: то, что раньше прямолинейно объясняли как результат сознания, оказалось продуктом подсознания. А постмодернисты и постструктуралисты постарались окончательно развенчать субъективность [30, 1].

¹ Именно в этом смысле говорят о коперниканском перевороте, совершенном Г. Фреге в логике: до него считалось очевидным, что высказывание ориентируется на реальность; Фреге же рассматривает реальность как ориентированную на высказывание – при определенной интерпретации носителя языка, адаптирующего свои представления о мире к интерпретируемому высказыванию [52, 26].

Итак, в коперниковскую установку входит настороженно-подозрительное отношение к взглядам, доставшимся нам от древности [39, 28]. Отсюда – только один шаг до того стиля теоретизирования, который получил название «критика языка».

На всех этапах науки есть данные, от которых отвлекаются (на время) теоретики, представители доминирующих взглядов, поэтому понятие фальсифицируемости по К. Попперу должно быть принято с оговорками не только в физике, но и в языкознании [49, 75]. Это обстоятельство подрывает основы доминирующих взглядов. Революционеры-коперниканцы, называемые иначе *диссидентами*, популяризируют сведения о слабости доминирующей теории и формируют если не конкурирующую целостную концепцию, то, по крайней мере, программу действий. В результате вырисовывается новый взгляд, при котором иные наличные концепции оцениваются как фальсифицируемые или нефальсифицируемые [45]. Скажем, далеко не все наблюдаемые данные сходились с концепцией Коперника, но от них диссиденты отвлекались, поскольку эти данные занимали маргинальное положение в ядре общей исследовательской программы [49, 76]. Социальные революции, поддерживаемые массами, по определению, также являются коперниковскими, поскольку им предшествует широкое распространение определенных взглядов на социальную справедливость. Иначе говоря, теория-меньшинство приобретает статус доминирующей теории.

В истории языкознания, говоря о коперниковских революциях типа той, которая связана с грамматикой Пор-Рояля¹, имеют в виду не полный отход от господствующей теории, а компромисс между распространенными взглядами, в совокупности противопоставленный господствующей точке зрения [37].

¹ Подход, который, по [55, 382], означал синтез концепции рамистов (последователей Аристотеля, предвосхищавших структурализм), ориентировавшихся на форму выражения, с логицизмом, при котором принимается, что внешний облик высказывания не всегда прямо отражает логику высказываемой мысли.

Примером коперниковской революции была и структуралистская революция [73, 4], когда были легализованы идеи, бытовавшие в умах и раньше, но официально не принимаемые в качестве «научных» в сообществах лингвистов, а именно:

– синхронное описание языка не менее научно, чем историческое, поскольку обладает методами [71, 1], в конечном итоге приводящими к целостному представлению о предмете; до Соссюра об этом знали все, но не все отваживались прямо это сказать, не рискуя быть обвиненными в ретроградстве, в попытке вернуть языкознание в эпоху до сравнительно-исторического метода;

– язык – не нагромождение разнородных элементов, а система, организованная целостность, «гештальт» [73, 4], части которого взаимозависимы; главное же – система, устройство которой не обязательно лежит на поверхности и должно быть выявлено, реконструировано, иногда методами Шерлока Холмса.

Итак, структурализм можно квалифицировать как коперниковскую революцию, поскольку на первых порах он выглядел как возврат к давно скомпрометированным взглядам: ведь он подчеркивал отказ от положения, под знаменем которого прошел весь XIX в. – от всеобъяснительности эволюционной концепции развития человека и общества, когда главным, если не единственным, критерием объяснимости был историзм.

Галилеевский стиль (термин Э. Гуссерля) и *галилеевская революция* связаны с созданием нового образа мышления в научной дисциплине, приводящего к неожиданным или парадоксальным результатам. «Очевидность реальности обманчива», – таков основной девиз галилеевской революции [27, 5], см. также [60, xi]. Предлагаемое теоретиком объяснение в рамках такого стиля метафорично, наглядно соединяет разные стороны наблюдаемых явлений, бывает настолько привлекательным, что сторонники такой теории отвлекаются иногда от неточного соответствия предсказаний фактам: конструкты

бывают тогда теоретику дороже и милее, чем реальность¹.

Галилеевское объяснение противопоставляют аристотелевскому [47, 423] или платоновскому [80, 2] по линии: каузальность vs. телеологичность (или механичность vs. финалистичность). Теоретик при этом доверяет конструктам, им самим создаваемым, больше, чем своим органам чувств [15] (впрочем, лингвистика пока еще не может в полной мере довериться своим конструктам, см. [16, 33]). Особенно уместен такой подход, когда исследуемый объект доступен нам только через посредство инструментов (в естественных науках) или с чужих слов (как в гуманитарных науках). Этот научный стиль предполагает учет степени надежности самих конструктов [26, 89], то есть, допустимости идеализации объекта исследования. Например, полагаясь на показания информанта о правильности предложения, о семантических соотношениях между разными версиями его и т. п., лингвист (часто – сам носитель того же языка) задумывается над причинами своих разногласий с этим информантом. Кроме того, различна у теоретиков степень изобретательности в придумывании конструктов, “формализмов” при моделировании – то есть, при конструировании теории, объясняющей (“эксплицирующей”) данные, а также в глубине интерпретации придумываемых формальных систем [23, 36].

Эти разновидности интеллектуальной революции – коперниковская и галилеевская – соотнесены между собой, поскольку переход на диаметрально противоположные позиции (коперниковский переворот) не исключает парадоксальности. Однако для коперниковской революции важным предварительным условием является наличие официального консенсуса, а для галилеевской такой социологический фактор не существует.

Глобальная коперниковская революция в гуманитарных науках начала XXI в. не была возможна, поскольку не было консенсуса.

¹ В постмодернистскую эпоху такое предпочтение созвучно любви к комиксам, заменяющим подлинники литературных произведений [72, 11].

Именно поэтому модель научной революции, предложенная Т. Куном, для философии, истории, лингвистики и теоретического литературоведения начала XXI в. не идеальна: в это время, а еще больше – в конце XX в. – консенсуса в названных дисциплинах нет даже по самым центральным вопросам [57, 292], каждое теоретическое исследование начиналось каждый раз как бы с нуля [67, 59].

Однако мы постоянно наблюдаем локальные перевороты в нашей науке. Поскольку же в результате революции теория-победительница начинает претендовать на роль консолидатора, а консенсус противен общественным наукам нашего времени в принципе, эта теория приобретает налет академической замшелости там, где раньше стремились просто к респектабельности. По свидетельству Дж. Серля [64, 23], такой была судьба аналитической философии в 1950-е гг.²

Языковые техники в подаче революционных научных взглядов, связанные с данным параметром, нацелены на поиски и предъявление парадоксов в рамках схем: «очевидное – и невероятное», «А знаете ли вы, что...» и в подобных заостренных формах.

3. Поворот мысли

Термины *поворот мысли* (так можно условно перевести английское *turn* и немецкое *Wende* в таких словосочетаниях, как *linguistic turn*, *pragmatic turn*, *cognitive turn*, *interpretive turn* и т. п.) и *волна* (например, *прагматиче-*

² Ср.: «Analytic philosophy has become not only dominant but intellectually respectable, and, like all successful revolutionary movements, it has lost some of its vitality in virtue of its very success. Given its constant demand for rationality, intelligence, clarity, rigour and self-criticism, it is unlikely that it can succeed indefinitely, simply because these demands are too great a cost for many people to pay. The urge to treat philosophy as a discipline that satisfies emotional rather than intellectual needs is always a threat to the insistence on rationality and intelligence. However, in the history of philosophy, I do not believe we have seen anything to equal the history of analytic philosophy for its rigour, clarity, intelligence and, above all, its intellectual content. There is a sense in which it seems to me that we have been living through one of the great eras in philosophy» [64, 23].

ская волна) лишены драматизма, привносимого термином *революция*, и относятся скорее к интервалу времени, чем к точке. Ведь поворот замечается только после того, как произошел и назад вернуться не всегда возможно.

Языковые техники подачи новаций при «поворотах мысли» обладают меньшим драматизмом, чем при научной революции.

Лингвистический поворот мысли¹, а точнее, поворот мысли в сторону языка, означал повышенное внимание к языку², к тому, как глубины языка проявлены в дискурсе гуманитарных наук – в философии, литературе, истории, социологии.

Там, где раньше говорили о предмете исследования, теперь все больше говорят о языке человека как об организующем звене научного дискурса, касающегося существования, реальности, мышления человека [7, 1]. Ведь границы языка очерчивают и границы познаваемости

¹ Этим термином Густав Бергманн [11] назвал поворот мысли, произошедший в философии под влиянием логического атомизма Б. Расселла, Т. Мура и Л. Витгенштейна, а также логического позитивизма Венского кружка [28, 4]. Позже сам Бергманн, У. Куайн, Н. Гудман и У. Селларз рассматривали – в разных направлениях – традиционные онтологические проблемы через призму языка как вопросы синтаксиса и семантики формального языка, более прозрачного, чем естественный [32, 11]. Позже этим термином был назван переход от эпистемологии к исследованию языка в философии XX в., начатый намного раньше Гумбольдтом в русле кантовской философии [61], особенно [62] (главы 6 и 7), см. об этом [74, 50-51]. Еще одна хронологическая версия – рубеж XIX и XX в., когда философы стали считать своей задачей не описание действительности, переведенное на язык философской системы, а выяснение в нашем знании того, что уже по своей буквальной формулировке представляется сомнительным. Рассматривая даже такие банальности, как обыденные представления и восприятия (книги Э. Маха «Анализ восприятий» и Р. Авенариуса «Человеческое понятие мира» были бестселлерами в конце XIX в.). Мощный импульс этой перестройке дало развитие квантовой механики (1900 г.) и специальной теории относительности (1905 г.). Тогда-то и начал интенсивно развиваться научный метод не только метафизики, но и теории литературы [36, 116–117].

² Это повышенное внимание к языку иногда называют рефлексивностью языка [18, 209] – интерес к воздействию языка на человека, когда полагают, что язык обладает структурой, воздействующей на человека так, что он воспринимает предметы и говорит о них, стремясь не противоречить этой структуре.

предметов, поэтому все, что мы узнаем и/или сообщаем о нашем мире, опосредовано языком: мы ограничены выразительными возможностями языка. В этом аналогия с исполнительским мастерством в искусстве: классическим танцем исполнитель может выразить практически весь универсум своих мыслей и чувств, но лишь в рамках канонов этого танца. Постигание же универсума, лежащего за пределами самого сообщения в рамках канонов – задача интерпретатора (самого исполнителя и/или его зрителя), вычисляющего по внешней форме сообщения прямые и переносные смыслы в соответствии со своим собственным внутренним миром.

То, что мы считаем действительностью, мы также конструируем в опоре на язык [40], поэтому нельзя утверждать, что язык устанавливает референцию к реальному миру как к объективно существующей и независимой величине. Иногда прибегают к олицетворению речи, считая, что эту действительность конструирует наш дискурс [77, 24]. Тогда субъект не играет той роли, которую ему приписывал И. Кант: мы от рождения помещаемся в герменевтические круги, или формы жизни, в которых и формируются наши мировоззрения. При таком взгляде унаследованное от Просвещения представление о рациональном субъекте требует переосмысления. Там, где раньше занимались вопросом «Что такое знание?», теперь начинают с анализа употребления слова знание, а размышление и речь о понятиях привязывают в первую очередь к фактам языка [19, 2] и только опосредованно – к самим понятиям. О связности (то есть, логической непротиворечивости) мира можно говорить тогда только в той степени, в какой это допускает наш язык.

Итак, с одной стороны – язык со своей логикой, с другой – мир человека [54, 3] – «со своими тараканами». Отсюда взгляд на философию как на логико-лингвистическую реконструкцию языка в его употреблении человеком [54, 4], что предполагает интерпретативный подход к тексту [21], см. [3].

Парадным примером поворота мысли в языкознании является идеология структурализма (подробнее см. [25, 73-74]), в рамках которой:

– определенные лингвистические теории были объявлены главными для философии и социологии¹; положение о важности для лингвистики других дисциплин принималось и в предыдущие эпохи, не отказываются от них и в новую эпоху²;

– подчеркивается целостность и «глубинная» (не всегда очевидная, но реконструируемая) структурированность исследуемого объекта, произвольность знака и примат означающего над означаемым³;

¹ Ср.: «Исчерпывающее описание языкового материала содержания требует участия других наук; с нашей точки зрения, все они, без исключения, имеют дело с языковым содержанием. Итак, мы пришли к тому, как нам кажется, обоснованному взгляду, что все науки группируются вокруг лингвистики» [4, 335].

² Ср.: «То, что составляло главное содержание традиционной лингвистики – история языка и генетическое сравнение языков, – имело своей целью не столько познание природы языка, сколько познание исторических и доисторических социальных условий и контактов между народами, т.е. знание, добытое с помощью языка как средства. Но все это также философия. Правда, часто кажется, что, оставаясь в пределах внутренних технических приемов сравнительной лингвистики этого рода, мы изучаем язык, но это только иллюзия. В действительности мы изучаем *disiecta membra*, т.е. разрозненные части языка, которые не позволяют нам охватить язык как целое. Мы изучаем физические и филологические, психологические и логические, социологические и исторические проявления языка, но не сам язык» [4, 266]; «Если лингвист хочет уяснить себе объект своей науки, он должен обратиться к областям, считавшимся по традиции чуждыми лингвистике» [4, 357].

³ Ср.: «Лингвистика должна попытаться охватить язык не как конгломерат внеязыковых (т.е. физических, физиологических, психологических, логических, социологических) явлений, но как самодовлеющее целое, структуру *sui generis*. Только таким образом как таковой может рассматриваться научно, не разочаровывая своих исследователей и не ускользая из их поля зрения» [4, 267]; «Признание этого факта, что целое состоит не из вещей, но из отношений и что не субстанция, но только ее внутренние и внешние отношения имеют научное существование, конечно, не являются новым в науке, но может оказаться новым в лингвистике. Постулирование объектов как чего-то отличного от терминов отношения является излишне аксиомой и, следовательно, метафизической гипотезой, от которой лингвистике предстоит освободиться» [4, 283]; «...лингвистика может и должна изучать языковую форму, отвлекаясь от материала, который может быть подчинен этой форме в обоих планах» [4, 335]. В психоанализе Ж. Лакана имеем следующую

– субъективность в употреблении языка сама проблематизируется и становится объектом исследования⁴;

– на передний план выдвигаются пространственно-временные координаты развертывания и интерпретации «осязаемого» текста, то есть, формы.

Событиями более локального масштаба стали *прагматический* и *коммуникативный повороты мысли*, т.е. тематизация в лингвистическом исследовании ситуативности употребления языка на фоне форм, процессов и интерпретаций речевой деятельности, ср. [48, 9], [75, 151].

Язык и раньше считали погруженным в общество, в общение. Однако с конца 1960-х – начала 1970-х гг. росло убеждение, что описание формы и значения (семантики) высказывания вне контекста не исчерпывает еще задачи лингвистики, что лингвист должен описывать и употребление высказывания, особенно когда контекстное значение высказывания не совпадает с его семантикой. Прагматическая волна 1970-х гг. возродила интерес к функциональности [38, 16], когда и возобновилось противостояние формализма функционализму (отзвукам парадигмы, предшествовавшей формализму)⁵. Рецептами для реализации это-

пропорцию [21: 325]: означающее : означаемое = репрезентация речи : репрезентация предмета = сознание и предсознание : бессознательное.

⁴ Например, автор произведения объявляется фиктивной величиной [8], [22]. Так, на место автора у М. Фуко приходит институция (что очень сильно напоминает роль личности в марксистской трактовке истории), затем переосмысляемая как понятие рамки, или фрейма в философии социологии [76, xii].

⁵ Это было именно возрождение, а не рождение контрверсы, причем не только в восточноевропейской лингвистике, но и в западноевропейской и американской. Так, известно, что сам термин *социолингвистика* был предложен впервые в работе начала XX в. – [79]. В 1930-е гг. немецкие диалектологи говорят о социолингвистическом принципе (*sozial-linguistisches Prinzip*) [6]. Однако социальные аспекты употребления языка находились раньше на периферии интересов лингвистов [70, 2], а главное, были методически малодоступны. Нужные методы были предложены прагмалингвистикой и социолингвистикой 1960-70-х гг.

го прагматического поворота стали, по [31, 4], лозунги типа:

- «От теории – к эмпирии»;
- «От структурализма и порождающей грамматики – к анализу устного общения, восприятия речи, особенно понимания»;
- «От лингвистики – к психолингвистике и социолингвистике»;
- «От мелких единиц, типа фонемы и слова, – к крупным единицам, типа обмена репликами и текста»;
- «От монологичности – к диалогичности»;
- «От языковой системы – к тому, что внесистемно, случайно и спонтанно»;
- «От интуиции лингвиста – к конкретному и по возможности аутентичному материалу».

Еще одной реализацией этого поворота мысли стала, по [68, 64], *теория речевых актов* Дж. Остина: философам и филологам потребовалось две с половиной тысячи лет для тематизации того соображения, что высказывание – не предмет, а действие.

«Лингвистический поворот» привел к размыванию границ между философией вообще и философией языка, прежде считавшейся лишь разделом первой [66, 5]. Одни философы квалифицировали лингвистический поворот в философии (в обоих ответвлениях: у М. Хайдеггера и у Л. Витгенштейна¹) как конец философии, другие – как возникновение новой системной концепции философии, третьи – как необходимость преобразования философии в философскую герменевтику [9, 6–7]. Под влиянием этого поворота исследователи особым пунктом включили в свои исследовательские программы исследование дискурса, трактующего проблемы философии, при этом не оставляя попыток вернуться к проблемам субъективности и метафизики [42, 10–11].

¹ Предвозвестником же этого поворота иногда называют Ф. Ницше, который, как утверждается в [33, 13], критиковал метафизику под углом зрения ее языка (особенно метафор).

Языковые техники «презентации» поворота мысли меньше драматизируют переход от одних господствующих представлений к другим. Это мягкое, академичное, неконфронтующее обращение прежде всего к собратям по исследованию (и в гораздо меньшей степени – к широким слоям за пределами науки) обратить внимание на то, что, вообще говоря, и раньше принималось во внимание, но просто не тематизировалось «в полный рост».

Заключение

Различные типы научных революций обслуживаются различными же языковыми техниками для демонстрации объяснительной силы, новаторства и превосходства над конкурирующими (предшествующими) теориями, для того, чтобы констатировать рождение новой научной эпохи и воспитать новые поколения исследователей в духе этой новой эпохи. Есть языковые техники для демонстрации междисциплинарных и «трансдисциплинарных» научных решений, а также для ниспровержения того, что ранее казалось очевидным. Сторонники и популяризаторы новых научных «поворотов» (напр., лингвистического поворота в философии) и «волн» (напр., прагматической волны в философии языка) используют более мягкие средства, чем «революционеры».

Литература

1. *Алпатов В.М.* История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991.
2. *Алпатов В.М.* Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005.
3. *Демьянков В.З.* Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. М., 1989.
4. *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып.1.
5. *Тулмин С.* Человеческое понимание. М., 1984.
6. *Bach A.* Deutsche Mundartforschung. 3. Aufl. Heidelberg, 1969.

7. *Baker P.* Deconstruction and the ethical turn. Gainesville etc., 1995.
8. *Barthes R.* Le degré zéro de l'écriture, suivi d'éléments de sémiologie. Paris, 1968.
9. *Baynes K., Bohman J., McCarthy T.* General introduction // After philosophy: End or transformation? Cambridge (Massachusetts); London, 1987.
10. *Beach L.R.* The psychology of decision making: People in organizations. Thousand Oaks etc., 1997.
11. *Bergmann G.* Logical positivism, language, and the reconstruction of metaphysics // The linguistic turn: Recent essays in philosophical method. Chicago; London, 1967.
12. *Blumenberg H.* Aspekte der Epochenschwelle: Cusaner und Nolaner. Frankfurt, 1976.
13. *Boudreau H.* Rewriting Unamuno rewriting Galdós // Self-conscious art: A tribute to John W.Kronik. Lewisburg (Pennsylvania); London; Toronto, 1996.
14. *Bowie A.* From Romanticism to critical theory: The philosophy of German literary theory. London; New York, 1997.
15. *Chomsky N.* Rules and representations. New York, 1980.
16. *Chomsky N.* On the generative enterprise: A discussion with Riny Hyub Regts and Henk van Riemsdijk. Dordrecht; Cinnaminson, 1982.
17. *Cohen H.* The scientific revolution: Historiographical inquiry. Chicago; London, 1994.
18. *Condit C.M.* Kenneth Burke and linguistic reflexivity: Reflections on the scene of the philosophy of communication in the twentieth century // Kenneth Burke and contemporary European thought: Rhetoric in transition. Tuscaloosa; London, 1995.
19. *Everitt N., Fisher A.* Modern epistemology: A new introduction. New York etc., 1995.
20. *Feyerabend P.K.* Three dialogues on knowledge. Oxford, 1991.
21. *Fornaro M.* Scuole di psicoanalisi: Ricerca storico-epistemologica sul pensiero di Hartmann, Klein e Lacan. Milano, 1988.
22. *Foucault M.* L'archéologie du savoir. Paris, 1969.
23. *Geier M.* Linguistische Analyse und literarische Praxis: Eine Orientierungsgrundlage für das Studium von Sprache und Literatur. Tübingen, 1986.
24. *George R.T.D., George F.M.D.* Introduction // The structuralists: From Marx to Lévi-Strauss. Garden City (New York), 1972.
25. *Giddens A.* Social theory and modern sociology. Stanford, 1987.
26. *Grewendorf G.* Sprache als Organ und Sprache als Lebensform: Zu Chomskys Wittgenstein-Kritik // Sprachspiel und Methode: Zum Stand der Wittgenstein-Diskussion. Berlin; New York, 1985.
27. *Haase M.* Galileische Idealisierung: Ein ragmatisches Konzept. Berlin; New York, 1995.
28. *Hacker P.M.S.* Wittgenstein's place in twentieth-century analytic philosophy. Oxford, 1996.
29. *Heath J.* Functional universals // Proceedings of Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley (California), 1978. Vol.4.
30. *Hietala V.* Situating the subject in the film theory: Meaning and spectatorship in cinema. Turku, 1990.
31. *Hinrichs U.* Slawistik - Germanistik - Linguistik // Sprechen und Hören: Akten des 23. Linguistischen Kolloquiums, Berlin 1988. Tübingen, 1989.
32. *Hochberg H.* Logic, ontology, and language: Essays on truth and reality. - München; Wien, 1984.
33. *Hödl H.G.* Nietzsches frühe Sprachkritik: Lektüren zu "Ueber Wahrheit und Lüge im aussermoralischen Sinne" (1873). Wien, 1997.
34. *Holton G.* Thematic origins of scientific thought. Cambridge (Mass.), 1973.
35. *Hoyningen-Huene P.* Die Wissenschaftsphilosophie Thomas S.Kuhns / Geleitwort v. T.S.Kuhn. Braunschweig; Wiesbaden, 1989.
36. *Hüppauf B.* Das Ich und die Gewalt der Sinne: Döblin - Musil - Mach // Wer sind

- wir?: Europäische Phänotypen im Roman des zwanzigsten Jahrhunderts. München, 1996.
37. *Joly A.F., Stéfanini J., eds.* La grammaire générale des modistes aux idéologues. Lille, 1977.
 38. *Kaindl K.* Die Oper als Textgestalt: Perspektiven einer interdisziplinären Übersetzungswissenschaft. Tübingen, 1995.
 39. *Kamm J.* Rules and methods: Die Grammatikalisierung von Sprach- und Dichtungstheorien im England des 17. Jahrhunderts // Barock. Stuttgart; Weimar, 1995.
 40. *Kitcher P.* The naturalist return // Philosophical Review, 1992. Vol.101, № 1.
 41. *Koyré A.* Von der geschlossenen Welt zum unendlichen Universum. Frankfurt, 1980.
 42. *Kress A.* Reflexion und Erfahrung: Hegels Phänomenologie der Subjektivität. Würzburg, 1996.
 43. *Kuhn T.S.* The structure of scientific revolutions. Chicago, 1962.
 44. *Kuhn T.S.* The structure of scientific revolutions. - 2nd ed-n. Chicago, 1973.
 45. *Lakatos I.* Falsification and the methodology of scientific research programmes // Criticism and the growth of knowledge. Cambridge, 1970.
 46. *Lanigan R.L.* Phenomenology of communication: Merleau-Ponty's thematics in communication and semiology. Pittsburgh, 1988.
 47. *Lewin K.* Der Übergang von der aristotelischen zur galileischen Denkweise in Biologie und Psychologie // Erkenntnis, 1930/31, Bd.1.
 48. *Liedke M., Knapp-Potthoff A.* Einleitung // Aspekte interkultureller Kommunikationssfähigkeit. München, 1997.
 49. *Lightfoot D.* Principles of diachronic syntax. Cambridge, etc. 1979.
 50. *Nagel T.* The view from nowhere. New York; Oxford, 1986.
 51. *Nagel T.* Other minds: Critical essays 1969-1994. New York; Oxford, 1995.
 52. *Nef F.* Logique, langage et réalité. Paris, 1991.
 53. *Neuser W.* Natur und Begriff: Zur Theorienkonstitution und Begriffsgeschichte von Newton bis Hegel. Stuttgart; Weimar, 1995.
 54. *Olafson F.A.* What is a human being?: A Heideggerian view. Cambridge, 1995.
 55. *Padley G.* Grammatical theory in Western Europe 1500-1700: Trends in vernacular grammar I. Cambridge etc., 1985.
 56. *Pearce D., Rantala V.* Continuity and scientific discovery // Logic of discovery and logic of discourse. New York; London; Ghent, 1985.
 57. *Percival W.K.* The applicability of Kuhn's paradigms to the history of linguistics // Language, 1976. Vol.52. N 2.
 58. *Preston J.* Feyerabend: Philosophy, science and society. Cambridge, 1997.
 59. *Redding P.* Hegel's hermeneutics. Ithaca; London, 1996.
 60. *Reiss T.J.* Knowledge, discovery and imagination in early modern Europe: The rise of aesthetic rationalism. Cambridge, 1997.
 61. *Rorty R.M.* The linguistic turn: Recent essays in philosophical method. Chicago, 1967.
 62. *Rorty R.M.* Philosophy and the mirror of nature. Oxford, 1980.
 63. *Rossi P.* Der Wissenschaftler // Der Mensch des Barock. Frankfurt; New York; Paris, 1997.
 64. *Searle J.* Contemporary philosophy in the United States // The Blackwell companion to philosophy. Oxford, 1996.
 65. *Shorter E.* A history of psychiatry: From the era of the asylum to the age of Prozac. New York etc., 1997.
 66. *Simon J.* Sprachphilosophie. Freiburg; München, 1981.
 67. *Stegmaier W.* Die Innovation der Gegenwart // Tradition und Innovation: XIII. Deutscher Kongress für Philosophie, Bonn 24-29. September 1984. Hamburg, 1988.
 68. *Stegmüller W.* Hauptströmungen der Gegenwartsphilosophie: Eine kritische Einführung: Bd.2. - 7., erw. Aufl. Stuttgart, 1986.
 69. *Stegmüller W.* Hauptströmungen der Gegenwartsphilosophie: Eine kritische Einführung: Bd.3. - 7., erw. Aufl. Stuttgart, 1986.

70. *Stevenson P.* The study of real language: Observing the observers // The German language and the real world: Sociolinguistic, cultural, and pragmatic perspectives on contemporary German. Oxford, 1995.
71. *Stozier R.M.* Saussure, Derrida, and the metaphysics of subjectivity. Berlin etc., 1988.
72. *Trupia P.* Die Semantik der Kommunikation: Die Schaffung von Sinngehalten in Kunst, Wissenschaft und bei der Ausübung einer unternehmerischen Tätigkeit / Übers. aus dem Ital. Berlin, 1997.
73. *Ullmann S.* Language and style: Collected papers. Oxford, 1964.
74. *Ward G.* Barth, Derrida and the language of theology. Cambridge; New York, 1995.
75. *Weigand E.* Words and their role in language use // Lexical structures and language use: Proc. of the International Conference on lexicology and lexical semantics, Münster, September 13-15, 1994. Tübingen, 1996.
76. *Weninger R.* Framing a novelist: Arno Schmidt criticism 1970-1994. Columbia, 1995.
77. *Wilkin P.* Noam Chomsky: On power, knowledge and human nature. London, 1997.
78. *Williams B.* Descartes: The project of pure inquiry. Harmondsworth, 1978.
79. *Wrede F.* Der Sprachatlas des deutschen Reiches und die elsässische Dialektforschung // Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen, 1903. Bd.111.
80. *Wright G.H. von.* Explanation and understanding. Ithaca; New York, 1971.

ON LINGUISTIC TECHNIQUES OF SCIENTIFIC REVOLUTIONS

V.Z. Demyankov

Summary

Intellectual revolutions consist not only in inventing new approaches to the objects of study but also in the forms these approaches are promoted and presented. Different types of scientific revolutions presuppose different linguistic techniques used to show explanatory power, a high degree of novelty and superiority of new solutions, to mark the borderlines between epochs and generations of investigators, to demonstrate interdisciplinary and transdisciplinary features of new ideas, and to dethrone what seems obvious to the majority. Besides revolutions, terms like 'turns' and 'waves' are used in arts and sciences, e.g., linguistic turn in philosophy and pragmatic wave in linguistics. These turns and waves are promoted and advocated for by milder linguistic means, as far as the content and the form of presentation are concerned.

Ключевые слова: философия языка, интеллектуальная революция, языковые техники теории, лингвистическая теория, трансфер знаний.

Key words: philosophy of language, intellectual revolution, linguistic techniques of scientific theory, linguistic theory, knowledge transfer.

